

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 22. 220 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2020. No. 22. 220 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной, С. А. Кулаков

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi, S. A. Kulakov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 22 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя раннего палеолита В. П. Любина, а также исследования в области гуманитарных и естественных наук о древнейшем человеке. Представлены работы археологов, палеозоологов и антропологов, изучающих самые ранние памятники каменного века, преимущественно на территории Кавказа и Переднего Востока.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 22nd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents papers centering on the research biography of the outstanding Paleolithic scholar V. P. Lyubin, as well as archaeological and natural science studies in the field of early prehistory. The volume consists of the papers written by archaeologists, paleozoologists and paleoanthropologists who study the earliest Stone Age sites in the Caucasus and the Middle East.

The volume is intended for archaeologists, anthropologists, paleozoologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

<i>С. А. Васильев.</i> Век Любина: поиски древнейшего человека в Евразии и Африке	7
<i>В. П. Любин.</i> Страницы воспоминаний	19
<i>Е. В. Беляева.</i> Век Любина в архивных фотоматериалах	29
<i>Л. М. Всевиов.</i> Век Любина в библиографии (список печатных работ В. П. Любина)	38
<i>Е. В. Беляева.</i> История исследований ашеля в Армении и вклад В. П. Любина	55
<i>М. В. Константинов.</i> В. П. Любин, Забайкалье и LGM.....	70

СТАТЬИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Кулаков.</i> Ранний палеолит Кавказа: современное состояние изучения	76
<i>Д. В. Ожерельев, В. Г. Трифонов, Х. Челик, Я. И. Трихунков.</i> Новые свидетельства раннего палеолита в горных системах Восточной Анатолии и Малого Кавказа.....	99
<i>Ю. Э. Демиденко.</i> Главный Кавказский хребет и передвижения людей в среднем палеолите и раннем верхнем палеолите по Большому Кавказу	128

НОВЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Несмеянов.</i> Проблема использования микрофациального анализа при изучении кавказских древнепалеолитических пещерных памятников	142
<i>Г. Ф. Барышников.</i> Кударский пещерный медведь: эволюция, тафономия, вымирание	158
<i>М. В. Саблин.</i> Фауна местонахождения Мухкай 2.....	176
<i>М. М. Герасимова.</i> Палеоантропологическая находка на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора (Костёнки-14). Факты и интерпретации.....	187
<i>С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая.</i> Морфология и таксономия древнейшего человека из Дманиси	204
Список сокращений	216

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

VASILY PROKOFIEVICH LYUBIN: THE SCHOLAR AND THE PERSON

<i>S. A. Vasiliev</i> . Lyubin's century: the search for the earliest Man in Eurasia and Africa.....	7
<i>V. P. Lyubin</i> . Pages of memories	19
<i>E. V. Belyaeva</i> . Lyubin's century in archive photographs.....	29
<i>L. M. Vsevirov</i> . Lyubin's century in bibliography (list of Lyubin's publications).....	38
<i>E. V. Belyaeva</i> . History of Acheulean studies in Armenia and V. P. Lyubin's contribution.....	55
<i>M. V. Konstantinov</i> . V. P. Lyubin, Transbaikalia and LGM	70

RESEARCH PAPERS

NEW STUDIES IN THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Paleolithic of the Caucasus: the current status of research.....	76
<i>D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Çelik, Ya. I. Trikhunkov</i> . New evidence on the Early Paleolithic in the mountain systems of Eastern Anatolia and the Caucasus Minor.....	99
<i>Yu. E. Demidenko</i> . The Greater Caucasus range and human population movements within the Great Caucasus during the Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic.....	128

NEW NATURAL-SCIENCE CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Nesmeyanov</i> . Problems associated with the use of microfacies analysis in the study of the Caucasian Early Paleolithic cave sites	142
<i>G. F. Baryshnikov</i> . Kudaro cave bear: evolution, taphonomy, extinction.....	158
<i>M. V. Sablin</i> . Fauna of the Mukhkai 2 site.....	176
<i>M. M. Gerasimova</i> . Paleoanthropological find from the Upper Paleolithic site of Markina Gora (Kostenki-14): facts and interpretations	187
<i>S. V. Vasilyev, S. B. Borutskaya</i> . Morphology and taxonomy of the oldest man from Dmanisi	204
List of abbreviations	216

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В. П. ЛЮБИН

Детство и школьные годы

Большую часть жизни я прожил в Ленинграде-Петербурге и очень полюбил этот город, но так и не примирился с северным климатом, потому что вырос на юге, на Украине. Мои родители, уроженцы украинской глубинки, познакомились и поженились в г. Николаеве в 1915 г. Они оба приехали из своих сел в этот город, ставший со времен Екатерины Великой тыловой базой Черноморского флота и центром судостроения, для того, чтобы найти работу и устроить свою жизнь. Отец, который не знал тогда грамоты, начинал разнорабочим на заводе, а маму, закончившую два класса церковноприходской школы, взяли в горничные. В 1916 г. у них появился сын Виктор, а я родился по старому стилю в последний день 1917 г. Вскоре после революции мой папа ушел в Красную армию, где служил фельдшером, а мама в это время устроилась уборщицей в школе и растила двух сыновей. Вернувшись домой, отец стал работать пожарным и закончил ликбез.

В первой половине 1920-х гг. наша семья жила очень бедно: малышами мы с братом Виктором нередко утоляли голод макухой, то есть отжатыми семечками, а когда чуть подросли, стали рыбачить на реке. На всю жизнь я запомнил, как в возрасте примерно пяти лет был просто потрясен, услышав вопрос директрисы школы к своей дочке: «Ты что будешь на полдник — яблоко или творог?». Мы о подобной еде тогда и не слыхивали. Пойдя в школу, я в теплое время года бегал туда босиком — надо было беречь единственные ботинки. Тем не менее это время осталось в памяти не столько тяготами, сколько бесконечными солнечными днями на реке — купанием и рыбалкой, играми с братом и другими ребятами. Учась плавать, я дважды чуть не утонул, но обошлось. Зато научился так хорошо держаться на воде, что впоследствии не раз переплывал текущий через город Южный Буг в самом широком месте, где к причалам подходят корабли.

В школе мне было интересно, но серьезных знаний я там не почерпнул. Учили нас тогда своеобразно: большинство старых учебников отменили, новых вначале совсем не было, так что знания мы получали, в основном, из рассказов учителей. Интересно, что истории в подлинном смысле слова нас не обучали, так как ее курс начинался с Парижской коммуны, а в центре внимания были классовая борьба и революционные события. Много времени мы посвящали всякой общественной работе, которая меня тогда увлекала. Было очень весело, например, ходить с барабаном вместе с шествием юных безбожников. Однако когда взрывали городской собор, мне это было совсем не по душе и запомнилось ощущение потери чего-то очень красивого и важного. Участвуя в обычных мальчишеских проказах, включая

лежание на спор под проходящим трамваем, я в то же время пристрастился читать книги. Дома их почти не было, но я стал ходить в библиотеку и брать книги у друга. Очень нравилось мне также заниматься в школьной самодеятельности и выступать в концертах и спектаклях. Артистическими талантами я особо не блистал, но меня ценили за энтузиазм и хорошую память, которая позволяла быстро заучивать тексты.

С конца двадцатых годов жизнь нашей семьи стала меняться к лучшему. Отец был очень способным человеком, поэтому его продвигали по службе. Он быстро поднимался от одной должности к другой, став в 1934 г. начальником пожарной охраны всей Николаевской области. Мама смогла оставить работу и стать домохозяйкой, в семье появился еще один сын — младший брат Владимир. Однако жила наша семья очень скромно: мама старалась на всем экономить, а мы с братьями по очереди донашивали вещи отца и друг друга. Главной для меня выгодой от должности отца была возможность занимать положенное ему место на спектаклях в городском театре, включая гастрольные ведущие труппы из Москвы и Ленинграда. Помимо театра, в старших классах школы я стал еще более увлекаться чтением, а также разными спортивными занятиями — шахматами, греблей и волейболом. Еще я начал собирать коллекцию зарубежных марок путем переписки на популярном тогда языке эсперанто, но это вскоре жестко пресек отец. Как выяснилось через много лет, став начальником, он жил в постоянном напряжении и остерегался дать хоть малейший повод стукачам, которые повсюду искали и находили очередных «врагов народа».

Мой старший брат, окончив школу, пошел на завод, а во мне созрело желание учиться дальше. После выпускных экзаменов летом 1935 г. я отправился вслед за нравившейся мне одноклассницей поступать в один из вузов Ленинграда, но подвела слабая школьная подготовка. На экзамене по математике меня ждал провал на простейших примерах с десятичными дробями. Еще две попытки попасть в другие вузы закончились аналогично. Денег на обратную дорогу не было, так что мне пришлось при помощи папиных знакомых устроиться на работу в ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения) в Кронштадте. Эта очень известная тогда организация занималась подъемом кораблей, затонувших за годы Первой мировой и Гражданской войн. Я работал на подхвате на какой-то барже около двух месяцев, а потом, когда холод стал пробирать меня через летние туфли и куртку, наскреб деньги на билет и вернулся в Николаев. Папа объявил, что после этой неудачи мне следует идти в военное училище, и сам направил туда мои документы. Тут я впервые посмел воспротивиться отцу и, поддержанный мамой, упрямил его разрешить мне вторую и последнюю попытку получить высшее образование.

Студенчество

Провал с поступлением в вуз и жесткая позиция отца заставили меня напрячься и крепко взяться за ум. Я записался на Николаевское отделение рабфака Одесского университета, чтобы попытаться стать его студентом на следующий год. Там начал, наконец, учиться по-настоящему, но камнем преткновения стала математика, которую предстояло сдавать в числе прочих обязательных экзаменов. Преподаватель математики не без оснований считал меня полным невеждой и был уверен, что я не смогу осилить этот предмет. На кону стояла вся моя дальнейшая судьба, что заставило найти решение: я продал свою коллекцию марок и нанял учительницу для ликвидации моей математической безграмотности. Через три месяца ежедневных

занятий я, к изумлению моего преподавателя, с блеском сдал математику и даже получил от приемной комиссии приглашение подавать документы на физико-математический факультет. Однако душа лежала к гуманитарным наукам, поэтому летом 1936 г. я стал студентом исторического факультета.

В Одесском университете еще оставалось немало дореволюционной профессуры, благодаря чему там были прекрасные специалисты, читавшие курсы по всем разделам истории. Вначале я и подобные мне вчерашние малообразованные школьники с трудом постигали доселе неведомые нам предметы. Нас опережали так называемые «лишенцы» — дети бывшей элиты, которые до принятия Конституции 1936 г. были лишены многих гражданских прав, включая право на получение высшего образования. Эти ребята после окончания школы учились с преподавателями на дому, поэтому они пришли в университет, уже освоив часть университетских курсов. Однако я занимался упорно и быстро подтянулся к группе лучших студентов, получив за все годы лишь четыре «четверки». Мама очень радовалась этому, а папа признал, наконец, мой выбор и выразил свое одобрение, заказав мне первый в жизни костюм. Большинство студентов жили тогда очень бедно. Нередко мы просыпали утренние лекции, чтобы сэкономить на завтраке, а потом мчались в нашу столовую утолять голод пирожками с горохом и дельфинятиной, которая тогда заменяла мясо небогатым жителям Одессы.

Студенты активно интересовались всем, что происходило в стране и в мире, но, конечно, мы знали лишь то, что нам сообщали. О преступной деятельности «врагов народа» рассказывали так убедительно, что трудно было не поверить в необходимость борьбы с ними. Если же виновными объявляли близких или хороших знакомых, большинство объясняло это случайной ошибкой или перегибами. Когда однажды был арестован практически весь состав военной кафедры университета, я и мои сокурсники были неприятно поражены, но успокоились на том, что была какая-то причина и что с этими людьми разберутся по справедливости. О подлинной ситуации и огромных масштабах репрессий я не догадывался, как, вероятно, и мои товарищи. Те же, кто в той или иной мере мог быть в курсе, включая моего отца, держали рот на замке. Только в 60-е годы папа в разговоре о Сталине напомнил мне, как, приехав в 1938 г. на каникулы в Донецк, куда перебрались мои родители из-за новой должности отца, я мог слышать за забором одного из зданий постоянную работу движка, а порой и видеть выезжавшие крытые грузовики. Он сказал мне с горечью: «Они там расстреливали днем и ночью, заглушая выстрелы работой мотора, а потом вывозили тела». Пожарная охрана, где он был большим чином, входила тогда в НКВД, и папа, видимо, кое-что знал о своих коллегах. Именно такое знание и страх попасть в эту молотилку были, видимо, главной причиной того, что он уже в 1940 г., будучи еще вполне здоровым и бодрым человеком, решил оставить службу, воспользовавшись правом на досрочную пенсию.

Учась в университете, я еще не представлял, чему посвящу свою жизнь. Некоторые области истории нравились более других, но я не чувствовал сильного влечения к определенной тематике и не думал о занятии наукой. Никаких археологических практик или экспедиций у нас тогда не было. Но однажды я всё же побывал на раскопках — в Ольвии, куда ездил с отцом на экскурсию. В конце пятого курса мы получили направления на работу: мне предложили преподавать историю в одной из сельских школ на Волыни. Я был вполне доволен, хотя всё же надеялся

в дальнейшем найти для себя какую-то более интересную стезю. Однако мою судьбу, как и судьбы многих и многих, круто изменила начавшаяся война.

Годы на войне

Утром 22 июня 1941 г. я сидел в читальном зале Публичной библиотеки Одессы, готовясь с сокурсниками к сдаче последнего государственного экзамена по древней истории. Кто-то вошел и громко сообщил о начале войны. Все студенты мгновенно высыпали на Дерибасовскую улицу, где столпились массы людей, слушающих речь Молотова. Когда через три дня, 25 июня, мы пришли на экзамен, над Одессой уже кружили немецкие самолеты-разведчики и по ним стреляли зенитные орудия. Все будущие солдаты сразу получили «пятерки», затем дипломы, а 7 июля нас уже погрузили в товарные вагоны эшелона и повезли в г. Горький, в Училище зенитной артиллерии. Здесь мы пробыли почти 11 месяцев. Хилых студентов нещадно муштровали и жестоко закаляли, приучая к воинской дисциплине. Зенитному делу, однако, нас по-настоящему не научили, так как современные зенитные орудия направлялись на фронт, а в училище оставались только устаревшие пушки образца 1911 г.

В начале июня 1942 г. мы вышли из училища лейтенантами. Я попал на Брянский фронт, в зенитно-артиллерийский дивизион, стоявший в районе Малоярославца. В первую же ночь командир дивизиона майор Ужинский разбудил меня с поручением, сказав запомнившиеся на всю жизнь слова: «Вставай, лейтенант, отоспишься после смерти!». Утром я впервые увидел бомбежку немцев и из любопытства даже побежал поближе к местам взрывов. Меня, по счастью, не убило, однако оглушило взрывной волной, что раз и навсегда выбило из головы юношескую наивность. Вот так началась моя военная жизнь.

Всю войну я прошел в составе одной и той же зенитной части — вначале дивизиона, а затем сформированного на его базе полка 1276. С 15 июня 1942 г. по 9 мая 1945 г. наша часть воевала в составе Брянского, Западного и Прибалтийского фронтов. Я был первым помощником начштаба полка по огневой службе и отвечал за связь с другими родами войск и организацию их прикрытия с воздуха. Я должен был бывать как на позициях наших батарей, так и в соседних пехотных и артиллерийских частях, что позволяло довольно многое видеть и оценивать. Летом 1942 г., когда я попал на фронт, нам было еще очень трудно противостоять немецкой авиации. Я неоднократно наблюдал с болью, как «мессеры» нагло и безнаказанно срубали наши «илы» и «миги» с фюзеляжами из фанеры, как расстреливали наши колонны и даже одиночные машины. Гибель шофера была особенной потерей, так как у нас, в отличие от немцев, было мало людей, умевших водить автомобили. Трудно было не заметить также превосходство немцев в стрелковом оружии и в тяжелых танках.

К весне 1943 г. состояние нашей армии, однако, уже изменилось. Резко усилилась наша противотанковая артиллерия, появилось много средних танков Т-34, тяжелых ИС и КВ, из которых формировали корпуса и армии. Чрезвычайно эффективным оружием оказались появившиеся на фронте ГМЧ «катюши». Намного возросла и боеспособность зенитных частей: в нашем полку было уже пять батарей малокалиберных орудий, которые били до высоты 4 км, и две роты зенитных пулеметов. Теперь немецкие самолеты стали уклоняться от нашего огня, нередко

сбрасывая бомбы мимо целей. Наш полк вошел вскоре в состав 17-й зенитно-артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования (РГК), вследствие чего стал участвовать, главным образом, в наступательных операциях.

Когда я только попал на фронт, армия несла огромные потери. Кадровых военных осталось немного, поэтому и офицерам, и солдатам-призывникам, большинство которых были крестьянами, приходилось овладевать военным делом в ходе боев. В полку было всего два человека с высшим образованием, включая меня. Большинство младших офицеров также выдвинулись из солдат, восполняя недостаток профессионального образования способностью к делу и ежедневным опытом. Мы теряли не так много людей, как пехота или танкисты, но всё же погибло немало моих товарищей. Поскольку зенитчики обычно располагались на некотором расстоянии от линии фронта, главный урон нам наносили не пули, а бомбы, снаряды и мины. Мы охотились на самолеты, а самолеты охотились на нас, сбрасывая бомбы или наводя огонь артиллерии. Наш штаб обычно маскировался лучше, нежели батареи, но часто доставалось и ему. Навсегда запомнил день 7 февраля 1944 г., когда я трижды едва не погиб. Это произошло близ Витебска, где часть наших войск, включая мой полк, из-за неудачного наступления оказалась в «полукотле», по которому нещадно били немцы. Первый раз осколочный снаряд упал рядом с земляной «щелью», где я прятался, оглушив меня и изрешетив спину полшубка чешуйками металла. Затем, когда мы с начальником штаба бросились прочь из этого опасного места, между нами разорвалась мина, осколки которой лишь чудом не задели ни одного из нас. Вскоре мы выехали оттуда на машине, но часом позже встали на дороге из-за неполадок в моторе. Едва завели его и стали отъезжать, как в то место, где мы стояли, упал тяжелый снаряд.

Войну наш полк заканчивал в Прибалтике, на территории Латвии, где в Курляндском котле была окружена большая группировка немецких войск, отошедших от Ленинграда и Новгорода. Утром 9 мая 1945 г. наши войска должны были перейти в наступление, однако в 6 часов немцы выбросили белые флаги. Чтобы представители нашего командования могли принять капитуляцию немцев, саперы проделали проходы в минных полях. Сгорая от любопытства, я вместе с ординарцем прокрался вслед за нашими генералами и смог, затаившись на опушке леса, присутствовать при капитуляции элитной танковой дивизии СС «Мертвая голова». Вечером по всему фронту наши части праздновали победу: боезапасы, накопленные для наступления, были выпущены в воздух, озарив небо грандиозным салютом. В тот вечер впервые за всю войну выпил спиртного, попробовав трофейный коньяк.

Через две недели отдыха наш полк погрузили в эшелон, двинувшийся на восток. Я был начальником эшелона, но не знал, как и все, конечного пункта. Проехали через европейскую Россию, затем пересекли Урал. Всё очевиднее становилось, что нам предстоит снова участвовать в войне, на этот раз с Японией. Чтобы поднять настроение, я котелками покупал на полустанках клубнику и сливки. Вместе с нами тем же маршрутом проследовали сотни эшелонов, которые шли по Транссибу один за другим с интервалами 1–2 км. Наш полк выгрузили недалеко от Читы, откуда мы своим ходом, пересекая Монголию, вошли в Западную Маньчжурию. При движении по бездорожью каменистой пустыни Гоби гусеницы машин-тягачей стали ломаться, но полк, выполняя приказ, должен был безостановочно идти дальше, оставляя по пути людей и орудия. Боеспособность полка падала, поэтому командир

полка дал мне поручение вернуться и найти эти орудия, отремонтировать машины, а затем догнать полк. Я козырнул, взял хлеб, фляжку с водой и пешком пошел назад по пустыне выполнять приказ, не думая о риске. Когда через несколько суток я предстал перед командиром полка, приведя пять машин с орудиями, он был столь поражен и обрадован, что, несмотря на отсутствие военных действий, представил меня к награждению боевым орденом Красной Звезды. Первую Красную Звезду и орден Отечественной войны II степени я ранее получил на Западном фронте.

Начало мирной жизни

Япония быстро капитулировала, и в середине сентября 1945 г. наш полк отправился на зимние квартиры под Владивостоком. Я был к тому времени капитаном и получил приглашение поступать в Военно-политическую академию имени Фрунзе. Однако я не хотел оставаться в армии и начал хлопотать о демобилизации. Меня отпустили лишь поздней осенью 1946 г., заставив написать историю полка, поскольку я служил в нем с момента основания и хорошо помнил весь боевой путь. Я вернулся к родителям на Украину, узнав от них о гибели старшего брата. Там царил послевоенный голод, а работу можно было найти только на шахтах, чего я не хотел. В то же время нависла угроза над младшим братом. Во время оккупации он был угнан немцами на работу в Германию, а потом освобожден французскими войсками и репатриирован на родину. Знакомые намекнули, что Володей заинтересовались в местном НКВД, а это пахло арестом. Кто-то посоветовал махнуть от всех бед в Закавказье, где проще жить и меньше строгостей. В начале 1947 г. мы вместе с братом, прихватив котелок маминой картошки, сели на поезд и покинули Украину — как оказалось, навсегда. Вскоре я впервые увидел всё великолепие Кавказа, который, однако, вначале принял нас не очень гостеприимно.

Тогда было выпущено распоряжение правительства о первоочередном и обязательном трудоустройстве фронтовиков. Однако попытки найти работу в нескольких городах Кавказа не удались, потому что я не мог быть учителем, не зная местные языки. У нас стали заканчиваться деньги, и приходилось практически голодать. Наконец, меня взяли в детскую трудовую колонию около г. Кутаиси. Там содержались осиротевшие после войны дети-беспризорники, которых было тогда великое множество. Я был рад работать с детьми, но порядки в этой колонии меня очень сильно возмущали: с воспитанниками там обращались грубо, продукты воровали и т. п. Осенью 1947 г. я поехал в Тбилиси, в соответствующее управление, чтобы уволиться и вернуться на Украину. Однако там меня остановил С. А. Калабалин — бывший воспитанник А. С. Макаренко и сам педагог, работавший с беспризорными детьми. Он как раз в тот день получил назначение на должность заместителя начальника по воспитательной работе в Детскую трудовую воспитательную колонию в г. Цхинвали (ныне Цхинвал) в Юго-Осетии (совр. название — Южная Осетия) и разглядел во мне подходящего сотрудника. Отправившись с ним, я получил место директора школы, а также небольшую комнатку с кроватью, столом и стулом, чем был чрезвычайно счастлив. Мой брат остался в Кутаиси, где устроился на завод.

Работать с беспризорниками мне нравилось и удавалось с ними ладить. Эти ребята, которые научились жить вне дома без помощи взрослых и часто сбегали из детских колоний, чтобы кочевать по всей стране, были очень самостоятельными и смыслеными. Когда же они начинали хулиганить или даже бунтовать, то их

быстро урезонивал Калабалин, который сам вышел из их среды и умел быть им как старшим товарищем, так и строгим отцом. Он был невероятно обаятельным, талантливым и очень порядочным человеком, который отдал всю жизнь беспризорным детям и пользовался безграничным уважением и любовью воспитанников. Семен Афанасьевич Калабалин навсегда остался в моей памяти как образец учителя и надежный друг.

Мне нравилась жизнь в Цхинвале — прекрасная работа, теплый климат, общение с друзьями, которых я быстро обрел в этом маленьком городке. Понемногу я обустроил и свою домашнюю жизнь, а потом встретил милую девушку из осевшей в этих краях русско-польской семьи и женился, перейдя жить в большой и хлебосольный дом ее родителей. Всё было вроде бы прекрасно, но у меня возникло и всё более укреплялось желание сделать свою жизнь менее обыденной и наполненной чем-то новым и интересным.

Путь в археологию

В свободное от работы время я начал интересоваться древнейшей историей Юго-Осетии. Стал бродить по окрестностям Цхинвала — нашел наконечник стрелы и медный топорик, который, как объяснили специалисты в местном музее, оказался очень архаичным типом времени раннего энеолита. Это меня так вдохновило, что я еще более увлекся поисками древних изделий, а также начал общаться с работниками музея и читать литературу по археологии. Однако поначалу это было лишь любительским краеведением и могло оставаться таковым, если бы не счастливая случайность.

В начале 1949 г. я узнал, что в городском лектории археолог Евгения Георгиевна Пчелина прочтет доклад «Археологическая карта Юго-Осетии». Конечно, я пошел послушать Пчелину, а после доклада подошел к ней и попросил взять меня в экспедицию. Я не был уверен в успехе, но, к моей радости, Пчелина охотно согласилась. Как потом она говорила мне, местных жителей не привлекала работа в экспедиции, поэтому она тоже была счастлива обрести во мне подходящего во многих отношениях сотрудника. Я был физически крепок, имел определенные познания в истории, а мой дилетантизм в археологии компенсировали огромный интерес к ней и стремление впитывать новые знания. Мне несказанно повезло, что я волей случая встретился с таким изумительным человеком и ученым. Евгения Георгиевна, работавшая много лет в Эрмитаже, была крупным специалистом по археологии и этнографии Осетии. Поссорившись однажды с тогдашним директором Эрмитажа И. А. Орбели, она сгоряча подала заявление об уходе, которое он подписал. Пчелина была очень расстроена, но отступать не стала и устроилась на работу в Юго-Осетинский НИИ, где активно продолжила свои научные исследования.

Знакомство с Пчелиной стало переломным в моей жизни. Попав в ее экспедицию, я, наконец, впервые приобщился к настоящей археологии. За два года мы с Евгенией Георгиевной объездили почти все районы Южной Осетии, прежде всего, полосу предгорий Большого Кавказа, занимаясь поисками новых археологических памятников. Получая этот новый и бесценный опыт, я всё более и более увлекался археологией. Вскоре я открыл на окраине Цхинвала могильник бронзового века, который заинтересовал самого Бориса Алексеевича Куфтина — одного из крупнейших специалистов по археологии Закавказья. Он в 1949 г. исследовал

на Кавказе древние места добычи сурьмы, а мы с Евгенией Георгиевной присоединились к работам его экспедиции. Куфтин был высоким седовласым человеком, очень энергичным и приветливым. Когда я испытал неприятное чувство, увидев, что он стал без всякого предупреждения копать открытый мной могильник, Куфтин быстро обезоружил меня своей любезностью, а также уделил время для разговора на археологические темы и подарил свой оттиск.

Уже после первого сезона полевых работ с моим участием Пчелина поняла, что я влюбился в археологию и имею способности к этой науке. Она решила помочь мне и написала письмо Борису Борисовичу Пиотровскому с вопросом, нельзя ли взять меня в аспирантуру. Он в свойственном ему лаконичном и остроумном стиле ответил: «Кота в мешке не покупают, пусть приедет — посмотрим». Когда я приехал в Ленинград и предстал перед Борисом Борисовичем, он увидел, конечно, сколь мало я искушен в области археологии. Однако мой энтузиазм ему, по всей видимости, так понравился, что благословение было получено. После этого осенью 1949 г. я оставил колонию и перешел на работу учителем в городскую женскую школу. Это было необходимо, чтобы иметь больше времени для подготовки к экзаменам в аспирантуру ИИМК.

Я сдавал эти экзамены в 1950 г. — это был первый послевоенный набор в аспирантуру. На два места вместе со мной претендовали еще трое: Массон, Заднепровский и Воробьев. Сдавали три экзамена. Наиболее трудным был для меня немецкий язык, который я уже почти позабыл со времен окончания университета и не мог, конечно, заново освоить лишь за несколько месяцев. Однако, несмотря на очень слабые познания, мне всё же поставили «тройку», скорее всего, только из уважения к заступничеству Бориса Борисовича. Марксистско-ленинскую философию и археологию я сдал на «пять». Но на экзамене по археологии чуть было не произошел курьез, который мог стать для меня катастрофой. Простудировав рекомендованную литературу, я довольно легко справился со всеми вопросами, включая последний, который касался пещерной стоянки Киик-Коба в Крыму. Однако вдруг раздался дополнительный вопрос: «А это верхний палеолит или нижний?». И вот тут я вдруг растерялся и призадумался. Спасителем стал член экзаменационной комиссии Сергей Николаевич Бибииков, который ранее уже помогал мне при подаче документов, будучи ученым секретарем ИИМК. Он выразительно посмотрел сначала на меня, а потом вниз, позволив дать правильный ответ: «Нижний палеолит!». По результатам этих экзаменов в аспирантуру прошли я и Воробьев. Позднее всё же приняли и Массона с Заднепровским — по квотам союзных республик.

Первые годы в ИИМК

Научным руководителем моей аспирантуры стал Пиотровский. Вначале меня взяли в Отдел Средней Азии и Кавказа. Сотрудниками этого отдела в то время были такие блестящие исследователи, как Пиотровский, Артамонов, Йессен, Дьяконов. Особенно меня поражал своей эрудицией Йессен. Он был скромным кандидатом наук, но, как правило, блистал в дискуссиях даже на фоне других мэтров. Поскольку своего материала у меня не было, Борис Борисович сам предложил мне тему для диссертации. Это был могильник позднебронзового века Редкин лагерь на севере Армении, который копал Николай Яковлевич Марр. Я послушался и начал работать. Однако вскоре обнаружил, что раскопки плохо документированы, а инвентарь

неполон и описан весьма поверхностно. Даже при отсутствии опыта научной работы мне стало ясно, что этот материал не годится для написания диссертации.

Выручило меня то, что я не терял связи с Цхинвали и летом продолжал там археологические разведки. Во время этих поисков я открыл ашельское местонахождение близ сел. Лаше-Балта, где собрал серию ручных рубил и другие изделия. Это были первые ашельские находки за пределами Армении и Абхазии. Борис Борисович весьма обрадовался, увидев эти рубила, и сказал: «Раньше у тебя был тощий цыпленок, а теперь — жирная курица. Этим стоит заниматься».

Так, потеряв почти целый год в бесплодных трудах над марровскими коллекциями, я начал писать работу по каменному веку Южной Осетии. Меня перевели в Отдел палеолита, которым заведовал тогда Ефименко, а сотрудниками были Бибиков, Борисковский, Рогачёв. Очень часто на заседаниях отдела присутствовали также Замятнин и Паничкина. Он работал в МАЭ, а она — в Эрмитаже. Они отнеслись ко мне по-доброму и несколько раз приглашали к себе домой. Особенно приветлива и общительна была Паничкина, которая охотно отвечала на мои вопросы. Замятнин же не очень любил вступать в научные беседы, а когда его спрашивали о чем-то важном, нередко давал такой ответ: «Ну, этого никто не знает...». В целом все коллеги приняли меня благожелательно, но сам я из-за недостатка знаний поначалу чувствовал себя неуверенно. Приходя на заседания отдела, я порой плохо понимал, о чем идет речь, ведь мне нужно было учиться пониманию камня с самых аздов, начиная буквально с того, что такое ударный бугорок.

Однако старание и труд, как уже было мною не раз проверено, давали шанс быстро освоиться в новой области. В то время объем материалов и публикаций был еще не столь бесконечно велик, как ныне, что позволяло приобрести необходимые знания в короткий срок. Итак, я стал очень много заниматься и постепенно начал разбираться в палеолите, в особенности в раннем. Борис Борисович, хотя и не был палеолитчиком, очень помогал мне важными советами. В ходе бесед с ним, в частности, я пришел к пониманию того, что описание ашельских изделий из Южной Осетии следует дополнить сопоставлением их с подобными находками из сопредельных территорий. Я нашел и перевел литературу по палеолиту Турции, а потом проанализировал и обобщил данные по археологии и палеогеографии в отдельной статье и в одной из глав диссертации, высказав там соображения о возможных путях распространения ранних людей на Кавказ. Впоследствии я всегда старался анализировать материалы в широком контексте и использовать информацию из всех доступных источников. Летом я продолжал работать в поле в Юго-Осетии и собрал дополнительные ашельские коллекции. Диссертация была подготовлена в срок, ее защита состоялась в декабре 1953 г.

В январе 1954 г. я был зачислен на должность младшего научного сотрудника ИИМК и в этой роли продолжил изучать палеолит Южной Осетии. В 1955 г. мне удалось открыть в Кударском ущелье первые в СССР пещерные ашельские стоянки. Ранее я никогда не копал пещеры — это было очередным вызовом для меня. Искал описание методики раскопок пещер в литературе, затем поехал поучаствовать в работах Бибикова в гроте Фатма-Коба в Крыму. Однако особенности строения и стратиграфии Кударских пещер заставили меня вырабатывать собственную методику исследований. Чтобы приобрести опыт раскопок пещерных стоянок, в Кударскую экспедицию приезжали Н. Д. Праслов, Н. К. Анисюткин, а позднее

А. Е. Матюхин, Д. А. Чистяков, Е. В. Беляева, С. А. Кулаков и другие исследователи. С большим желанием ехали в Кударо студенты, которых привлекала также романтика работы в горах и особая атмосфера экспедиции. Постепенно я стал исследовать ранний и средний палеолит не только в Южной Осетии, но и во многих других районах Кавказа, а затем и за его пределами (Средняя Азия, Западная Африка). Поскольку эти годы моей работы хорошо известны коллегам, я не буду касаться их в данной статье.

* * *

Подводя итоги своей жизни, могу сказать, что я всегда работал честно, в полную силу и с головой погружался в свое дело. Благодаря этому я, надеюсь, сумел внести определенный вклад и в науку о палеолите. Быть может, мой рассказ о том, как провинциальный мальчик из самой простой семьи, несмотря на все преграды и невзгоды, нашел свое место в археологии, подбодрит молодых людей, которые собираются или уже начали пробивать свой путь в эту замечательную науку.